

ДЕНЬ, В КОТОРЫЙ ОН РОДИЛСЯ

АНДРЕЙ МАЛАХОВ

Родился в 1967 году в Нижнем Тагиле Свердловской области. Окончил Свердловский архитектурный институт, Российскую школу частного права. Работал в разных регионах

России в области управления.

Сейчас живет в Москве. Опубликовал рассказы в журнале «Пашня»: «Один день из жизни Саши П.» (2020), «Трофей» (2022), «Документ» (2024).

Было зябко, даже холодно. Падал мокрый снег. Монотонно, размеренно, нескончаемыми белесыми нитями. Она тихо говорила. Говорила о себе, о муже и о нем. Говорила, что это самый счастливый день в ее жизни. Ведь сегодня день, в который он родился. Я все время молчал. Смотрел на нее и слушал. Прозрачная кожа на высохшем лице, печальные, но полные тепла и доброты глаза. Не горечи, не боли – тепла. Она привстала, достала аккуратно сложенный платок, протерла от снега серый овал мрамора. Я должен был что-то сказать, но ничего не получалось. Время замерло. Только ее слова, тихо падающие, как этот мокрый декабрьский снег.

Время. Я вспоминаю детство. Высокого голубоглазого мальчугана в кроличьей шапке и клетчатом пальто. Из обычной подмосковной семьи, жившей в соседнем подъезде нашего двухэтажного дома. Городок, вытянувшийся вдоль железной дороги, с сортировочной станцией, мимо которого часто гремели грузовые составы и проносились скорые поезда. Люди мчались в этих поездах в большие светлые города с высотными домами и с такой же быстрой, как эти поезда, незнакомой жизнью. Скорые поезда летели мимо и никогда не останавливались.

Мы познакомились с ним на заводском стадионе «Локомотив». Середина семидесятых, воскресный июньский день, полный стадион, необыкновенная

атмосфера праздника. Взрослые в спортивных костюмах, майках, трусах с полосками на боках. Прекрасная погода, много солнца и улыбок. Вокруг разноцветные транспаранты, громко звучит музыка, гремит мегафон, рассказывает о происходящем. Мне почти шесть лет. Рядом высокий лысый человек в спортивном синем костюме с черной бородой и волосатыми загорелыми руками. Густые, почти сросшиеся брови, большой горбатый нос. Страшный. Глаза его тоже огромные, навывкате, но смеются. Глаза совсем нестрашные. Красная повязка на закатанном рукаве и такой же красный флажок в поднятой руке. На груди на шнурке судейский свисток.

Мама и папа рядом. Мама улыбается, нагибается ко мне, обнимает, целует в щеку и шепчет, что мне не надо волноваться и что все будет хорошо. От нее вкусно пахнет ее любимыми духами «Красная Москва». Эти духи мы подарили ей с папой на Восьмое марта. Папа аккуратно отодвигает маму, садится на корточки, смотрит мне прямо в глаза. Я стараюсь не отводить глаз и часто моргаю.

– Кирилл, ты меня слышишь, сынок? Не волнуйся. Главное – не оглядывайся. Запомни. Жми, крути педали что есть силы. Смотри только вперед. Гонишь до конца поля, туда, где ворота.
– Папа! – возмущаюсь я по-взрослому. – Я же не маленький.

– Извини. В общем, гони. Если никого впереди не увидишь, значит, ты чемпион. Все просто. А то, что сзади, – не интересно. Ты понял?

– Да, папа, – на автомате отвечаю я.

В голове все шумит. Мы стоим в центре рыже-зеленого сильно вытоптанного футбольного поля. Прямо на окрашенной чем-то белым центральной линии. Справа и слева от меня такие же мальчики с велосипедами. Из-за шума и волнения я не могу сосредоточиться, почему-то думаю про страшного, хотя уже и не совсем страшного волосатого лысого великана.

– Как только флажок опустится, сразу жми. И что самое главное?

– Не оглядываться. Я понял, пап.

Лысый свистит, машет флажком. Я кручу педали, не оглядываюсь. Трехколесный конек несется по кочковатому футбольному полю. Скрипит и подпрыгивает. Впереди – никого. Красная финишная лента уже совсем рядом. Но так и подмывает посмотреть, что там сзади. Хоть одним глазком, всего на секунду. Я терплю. Но не выдерживаю. По всему зеленому футбольному полю рассыпались разноцветные трехколесные велосипеды. Ближе всех мальчик в футболке с волком и надписью «Ну, погоди!», с красным лицом, надут губы, сильно пыхтит и очень старается. Смотрит только под колесо. Я понимаю, он не догоняет...

Все закончилось. Папа рядом. Папа, мама и какие-то тети успокаивают меня, упрашивают пойти на награждение. Я с трудом соглашаюсь, иду, хромаю, сильно болит разбитое колено. Надевают медаль, фотографируют. Я не выдерживаю, и слезы текут по моему чумазому лицу. Мне что-то говорят, пытаются шутить. Но я далеко. Там, где нельзя было оглядываться, а я оглянулся. Наскочил на какую-то кочку. Упал. Поднялся. Докатил. Все – второй. Мир пропал, и было темно. Потом пришла боль в окровавленном колене и обида. Я стою, кусаю губы, облизываю соленые слезы. Знаю, разревусь совсем. Слушаю взрослых, размазываю слезы грязными руками. Так мы и попали вместе на первую страницу центральной городской газеты. Я зареванный, чумазый и бесконечно несчастный с медалью на груди, и он, стоящий выше с медалью и блестящим кубком в руках, надутыми губами на удивленном лице. Я хорошо помню: взрослым почему-то было весело, а я этого не понимал. Так и уложилось – мои слезы и взрослая радость.

– Это Андрюша, – говорит мне мама, указывая на пухлого, на полголовы выше меня победителя в майке с волком из моего любимого мульт-

фильма. – Он живет в соседнем подъезде. Они совсем недавно переехали. Познакомься. Ну что ты? Не дуйся...

Я демонстративно отворачиваюсь. Мы идем вместе есть мороженое и пить газировку. Мы и наши родители. Настроение мое – хуже некуда, и даже обожаемая мною пахнущая ванилью газировка «Крем-сода» не помогает. Мы не смотрим друг на друга и не разговариваем.

– Не журишь, Кирилка, – грохочет жутким басом его папа и беспардонно кладет огромную руку мне на плечо.

Рука тяжеляющая, на ней синий орел и над ним звезда с буквами.

– Я не Кирилка. – Мне очень неприятно все. И этот громогласный человек, и это слово «Кирилка».

Вечер я с родителями провожу у них в гостях. Когда мы уходим, я размышляю, что этот щекастый толстяк с надутыми губами не такой уж плохой. И отец его ничего – веселый дядька...

Они жили в маленькой, но светлой квартирке в две комнаты с плюшевой потертой мягкой мебелью, уютными узорными половиками на полу, обязательным ковром на стене и блестящим полировкой, набитым книгами секретером. По выходным у них были чудесные пироги, и я мог запросто забежать и уплетать их. На пироги с брусникой, привезенной родственниками с уральских гор, я приглашался отдельно и приходил заранее. Я с ногами забирался на стул, складывал руки, как прилежный ученик, на клеенчатую с букетами роз столешницу, упирался в них подбородком и наблюдал, как засыпанные мукой тонкие плоские кругляши в секунды превращались в пухлые, набитые ягодами и посыпанные мукой бледные бочонки. Он всегда сидел напротив. Над столом висел туман из мучной пудры. Мы с трудом дожидались, когда обжаренные, еще шипящие пирожки, уложенные на большое фарфоровое блюдо, оказывались на столе. Обжигаясь, хватали, подбрасывали на ладонях, надували щеки, пыхтели, пытаясь быстро остудить. Осторожно надкусывали хрустящую корочку с нежным тестом и лопающимися сладкими, с горчинкой, ягодами. По пальцам тек липкий брусничный сок. Его мама с умилением смотрела на нас. Она часто говорила, что мы родились в хорошее время. У нас всего в достатке, так что не из-за чего печалиться и ссориться. Какие ссоры, когда всем всего хватает? А будущее будет таким, как мы захотим. Под хруст жареных брусничных пирогов ее слова были особенно убедительны.

Его отец, широкий грузный мужчина, – железнодорожник со стажем. Он делал все неторопливо и основательно. Аккуратно, осмотревшись, заходил на маленькую кухню, как будто боялся случайно что-то порушить своим мощным телом. Крякнув и кашлянув в кулачище со шрамом от выведенной татуировки, он часто повторял, что все за нас выстрадали наши бабушки и дедушки, поставили на добротню уложенные рельсы. Глядя на его большие тяжелые руки с короткими толстыми пальцами, мозолями и шрамами, похожие на клешни гигантского краба, я не сомневался, что и он тоже укладывал эти рельсы. «Катись, не затягивайся!» – подговаривал он, подмигивая. Что это означало – каждый понимал по-своему, но мы катились. Путь был виден далеко вперед, огромная всемогущая держава вовремя семафорилла и переводила стрелки.

Андрей катился успешней и веселее. После школы я пошел на филфак в институт, который был самым близким от дома и в котором был очень скромный конкурс. Удобно, просто и реалистично. А он уехал в далекий Свердловск, казавшийся мне тогда местом с другой планеты. Несмотря на серьезный конкурс, легко поступил в архитектурный. «Хочу строить большие города. Для совсем другой новой жизни», – говорил он, когда звонил мне со свердловского главпочтамта. Рассказывал о геометрии, функциональности и исключительной образности зданий, доставшихся Свердловску от эпохи конструктивизма. Учился он хорошо, но через год вдруг понял, что это не совсем его. Быстро поменял планы и подал документы в престижный Московский университет, носящий имя борца за свободу Африки. Быть студентом этого вуза я и не мечтал, хотя учился в школе лучше, да и языки давались мне намного легче. Уговаривать его не рисковать было бесполезно. Он был уверен, что у него все получится, и у него получилось. Маленькие просчитанные победы его не интересовали. Мои скромные запросы, следования родительским советам и правилам всегда вызывали у него снисходительную улыбку старшего товарища. Старшего. Я родился почти на полгода раньше. Но он всегда казался мне намного взрослее, хотя я старательно это скрывал. Часто он за нас двоих принимал решения, что-то придумывал, я придерживался его планов, даже если они мне не очень нравились. Иногда приходилось переступать через себя. Иногда не получалось.

Как-то в день его рождения, в морозный декабрьский день, хоронили мальчика из девятого

класса нашей школы, тяжело болевшего и угасшего от рака за полгода. Эта смерть оглушила всю округу. В каждой семье обсуждалась несправедливость и абсурдность такого раннего ухода из жизни. Мы впервые так близко увидели смерть, а слово «рак» приобрело новое жуткое значение. Во время похорон у нас были уроки. Вторая смена. После занятий родители ждали нас дома – отмечать день его рождения. Но он предложил по-быстрому сгонять на кладбище, посмотреть, что там. Мне вообще всегда трудно было ему отказывать. А в такой день тем более. Быстро темнело. Я плелся за ним по железнодорожному мосту и искал повод остановиться. Родители категорически запрещали мне «шляться по сомнительным местам». Кладбище было как раз из этого списка. Но страх был еще сильнее запретов. Страх вцепился в школьный ранец за плечами, тянул назад, заплетал ноги. Под мостом загрохотал грузовой состав, мост задрожал. Я остановился. Говорить что-то было невозможно, ляг колесных пар и сцепок все заглушал. Мы смотрели друг на друга. Я стоял, опустил глаза. Он все понял. Ничего не сказал и ушел.

В студенческие годы мы стали реже встречаться. Разные города, вузы, новые компании, интересы. Жизнь и большая страна растащили нас. В год, когда он вернулся в Москву и поступил в свой «блатной и престижный» университет, меня призвали на военную службу. Радости от таких изменений в моей жизни я не испытывал: зачем мне армия, не понимал, да и не пытался понять. Пришло время, надо ехать на службу. «Косить», как некоторые мои однокурсники, не собирался. Спортивное детство и юность, проведенная в борцовских соревнованиях, позволяли с оптимизмом смотреть в грядущие армейские будни. Спорт мне, конечно, впоследствии пригодился, но в смыслах я так и не разобрался. В учебке было особенно невесело и безыдейно. Я, как и мои товарищи-курсанты, призванные из институтов и университетов, за месяц службы держали в руках оружие только в день присяги. Зато мы научились ходить строем и правильно мыть полы в казарме, заливая их мыльной пеной, выскабливая кусками стекла и каблуками от кирзовых сапог, затем высушивая ветошью и натирая вонючей рыжей мастикой. Еще через месяц такой боевой подготовки появилось коллективное обращение курсантов к командованию учебного полка с просьбой направить нас в Афганистан. Я это обращение тоже подпи-

сал. В службе в горячей точке мы видели определенный смысл призыва в армию с институтской скамьи. Нас не поняли. Через несколько дней собрали на плацу, объяснили, что любая служба почетна и важна, погрузили на машины и увезли на несколько месяцев на учебный полигон, который находился в тридцати километрах от китайской границы.

Время службы пролетело неожиданно быстро. Только втянулся, пришла пора возвращаться. Коротая безмятежные дембельские вечера, я размышлял о двух годах жизни, проведенных в далекой Амурской области, об упорядоченном армейском быте и прерванной учебе. И пришел к выводу, что все прошло своим чередом, прошло вовремя и как надо. Жалеть уж точно не о чем. Я убедился, что не надо пытаться оседлать жизнь. Всеу свое время. Таков порядок вещей. Окончил школу, поступил в институт. Пришла повестка, приостановил учебу, отслужил. Необходимость, ценность и смысл всего происходящего познаешь уже в процессе. Андрей меня не понимал. Он говорил, что не стоит соглашаться с обстоятельствами и менять свою жизнь, если не знаешь зачем. Для чего терять время?

Я часто думал о нашем с ним последнем разговоре накануне моих «проводин». Память восстанавливалась все до мелочей, до звуков и запахов. Армия к этому очень располагает.

Мы с Андреем стояли на железнодорожном мосту. Под ним медленно текла широкая глухо и натужно гроыхающая река из цистерн и товарных вагонов. Река широкая, разделенная на разные потоки. Они катились в противоположные стороны, мерно постукивая и пофыркивая, останавливались, стояли, отдыхая, потом, вдруг вздрагивая, как в испуге, запускали гремящие железом мурашки по всей длине составов. И снова, переговариваясь, перестукиваясь, решались на новое движение. Был поздний темно-лиловый июньский вечер, в котором тонул, растворялся этот тяжелый железный поток. Красные огни далеких семафоров выхватывали из опускавшейся темноты покатые, лоснящиеся, грязные тела цистерн и шапки сыпучих грузов. Непреклонный женский голос дирижировал всем этим движением. «Пр-быеет на втрптий... прслеует манврооый», – разносило эхо.

– Завораживает? А, Кирюха? Знаешь, я могу на это смотреть бесконечно, – глядя в опускающуюся темноту, восторженно произнес Андрей.

– Я уже это слышал. И много раз. На муравьев похоже. Бегают по своим муравьиным дорожкам, тащат что-то на себе. Тут муравейник должен быть недалеко.

– Нравится мне. Как в театре, – не обращая внимания на мои слова, продолжил он.

– Если так нравится железная дорога, что ж ты мечту променял? Для начала водил бы паровозы, – дернул я товарища.

– Сам ты... водитель паровозов. Отец мой – машинист тепловоза! Брал нас с собой на смену. Алика Рыбина с первого этажа... Он потом в другую школу перевелся. Помнишь?

– Помню. В другую школу. Потом совсем общаться перестали.

– Перестали и перестали, не о нем речь. – Андрей достал сигарету. – Болел я, конечно, тогда этим делом, – довольно гоготнул он. – Машинист для меня тогда как космонавт был. Так-то. Зажигалку дай.

– Вот и говорю, что ты мечте своей изменил. – Я рылся в карманах пиджака, достал зажигалку. – На, – протянул я. – И за тысячи километров в Свердловск поперся? В архитекторы.

– Поперся, – ухмыльнулся Андрей. – Лет в пятнадцать в очередной раз увидел эту движуху, – Андрей кивнул на моргающий вдалеке семафор, – и все поменялось. Посмотрел на процесс сверху. Всегда полезно. Понял, что есть что-то гораздо масштабней и интересней. Чем тепловоз. Это как строительный кран и архитектура, например. – Андрей прикурил. – Знаешь, я всегда в детстве мечтал о железной дороге. Игрушечной. Такой большой, с локомотивами, цистернами, вагонами, стрелкой, семафором. Со станцией с названием под крышей. Так и не дождался. Не найти было. Да и с деньгами у родителей... А потом как-то всмотрелся с моста этого и понял, что можно все по-взрослому устроить. По-настоящему. Спроектировать, построить, управлять. Интересно. Потом подумал – транспорт не главное. Город главнее. Муравейник, как ты говоришь. Решил, что самое интересное – строить города. В городах вся энергия. Они железку эту двигают, жизнью ее наполняют. – Андрей улыбнулся, посмотрел на меня, подмигнул. – Строить новые города. Это же мечта. Но поучился и понял, что города новые строят редко. Очень. И не факт, что на мой век представится случай. Хотя. Как думаешь, Кирюха? Андрей что-то еще говорил, но пронесившийся внизу товарняк, со скрежетом тормоза, глушил все его слова.

- Кирюха?
- Да откуда я знаю. Про такие планы. Да и не задумывался вообще.
- А ты задумайся, Кирилл. Задумайся. Полезно. Может, тоже зацепит? Все в жизни поменяешь, – загоготал он.
- Лишние знания... сам знаешь.
- Вот ты зачем завтра в армию?
- Пришел в общагу – там повестка. Чего тут думать? Косить?
- Нет, Кирюха, я про долг родине и все такое понимаю. И от этих обязанностей, которые для меня тоже не пустой звук, бегать не собираюсь. Но в армию пока не стремлюсь, – сказал он подчеркнуто серьезно. – Для меня важнее пока другое. Но ты пиши и...
- Кто тебя спрашивать будет? – снисходительно бросил я. – Пришлют повестку...
- Я тебе сказал, – жестко перебил он меня. – Не собираюсь. Пусть хоть записываются. В армию пойду сам, когда посчитаю нужным, и туда, где я нужнее. А до того – нет. Если потребуется, всем и все объясню. А пока... Пока мне некогда. Учеба и знания, я себе уже и план набросал. Года через два-три уже буду готов. Пригодится. Че я, хуже тебя? – подмигнул он и рассмеялся.

И через два года, осенью 1987 года, когда уже студентов вузов в армию снова перестали призывать, сам осознанно пришел в военкомат. Долго беседовал с военкомом, определился с местом службы. Сделал то, что, как он был уверен, должен был сделать, четко понимая, куда и зачем он идет. Высокий спортивный, отслужил срочную в армейском спецназе. В Афганистан уже вроде как не призывали, а через полгода вообще начали возвращать войска на родину, и его родители особо не волновались. Сам он про свои армейские мотания по беспокойному советскому Закавказью от Сумгаита до Тбилиси никогда не распространялся.

После срочной он восстановился в университете. Стал одним из лучших на курсе и уехал по обмену в бесконечную азиатскую даль. Уехал из страны, которая за время его заграничного обучения сошла с рельсов и разбилась. Каждый сам стал укладывать свои рельсы, семафорить, переводить и назначать стрелки, забыв о правилах и наличии тормозов.

Он оставил учебу и нашел себя в новой жизни в чужой стране. Не то чтобы ему там очень нра-

вилось, но у него появилось дело. Дело, приносящее неплохой доход. Ничего особенного, но для наших челночных граждан он стал человеком необходимым. Он обжился, научился сносно объясняться с аборигенами, навел связи, даже снимался в местном кино, непременно играя белых алчных колонизаторов. Стал совсем редко приезжать. Он сильно изменился, отрастил бороду, польсел. Смешно, но мне даже показалось, что у него по-азиатски изменился разрез глаз. Появлялся он, не предупреждая о приезде, уставшим, чем-то постоянно озабоченным, с лихорадочным счастьем в глазах. Появлялся у родителей на час, на два. Никогда не оставался ночевать. Родители мало что понимали в его новой жизни. Незвестность вызывала тоску и тревогу. Но то, что творилось за окном, – было еще страшнее. Вроде не война, а наши сверстники, выросшие вместе с нами, начали заполнять местное кладбище. Самое ужасное, что это становилось неотъемлемой обыденной частью новой жизни. Слово «бизнес» съело все теплое, человеческое и объясняло и отсутствие сына, и страшные перемены в нашем городке.

Он изначально был далек от местечковых проблем и шел в гору, занимаясь глобальными делами. Однажды он появился на дорогом сверкающем Mercedes-Benz S600. С персональным водителем, как один из тех состоявшихся, поймавших удачу людей. Был особенно возбужден, загадочно улыбаясь в косматую бороду. Рассказал, что подписывает важный контракт с «очень влиятельным человеком». «Оттуда», – говорил он о нем, многозначительно показывая пальцем вверх и рассказывал о каких-то колесных парах, нефтяных цистернах и «очень приличных» доходах. Дело начало расти и расширяться. Через год его компания стала известной и уважаемой в обеих странах. Даже арест «влиятельного человека» не остановил его. Начались некоторые шероховатости с людьми этого «влиятельного человека», которые периодически напрягали, выбивали из колеи. Но в целом все у него двигалось на позитиве. Он весь был в работе, отдыхал редко, но громко и широко. Познакомил меня со своими близкими друзьями. Их было трое. Александр остался со времен учебы Андрея в Свердловске, Роман и Олег появились позже. Олег успешно занимался правовыми вопросами в Москве, Роман управлял финансами крупной компании в Вене. В Австрии в Альпах мы вместе с нашими семьями несколько раз справляли Новый год. Андрей старался не расши-

рядь близкий круг общения и очень дорожил этими отношениями. Были у него и приятели, с которыми он тоже тесно общался, но эта компания с нами не соприкасалась и была связана с бизнесом Андрея. Он окончательно обжился в новой стране, купил два больших дома в столице и на побережье. По моим представлениям, в тридцать у него было все. Ну или почти все.

Откуда было это «все», меня особо не волновало. Я знал, что эта жизнь не для меня, и даже не собирался разбираться в ее нюансах. Его отец думал по-другому и постоянно задавал вопросы о происхождении доходов сына. Под Новый год в конце девяностых мы столкнулись с ним у магазина в нашем городке. Он шел домой, грузенный двумя сумками, тяжело ступая по мокрому снегу. Я помог ему, и он затащил меня домой.

– Проходи, – скомандовал, приглашая на кухню. – Выпьем. Как там в фильме? О делах наших скорбных покалякаем.

Он шел впереди, пыхтел с хрипом и свистом. Как обычно, аккуратно протиснулся в помещение кухни, огляделся и медленно присел на табурет.

– Не отказывай. Мой-то совсем не хочет разговаривать.

Он внимательно посмотрел на меня. Седой, совсем белый, осунулся лицом и как-то обмяк телом. Он сильно постарел. Могучие тяжелые плечи опустились и согнули всю его огромную фигуру.

– Не звонит. Приезжает редко. Совсем не бывает. Так. Ругаемся сразу. Только начинаем разговор. Злитесь. Эх. – Он махнул своей ручищей. – Мать пеняет, что я на него давяю. Как? Он сам сейчас кого хочешь задавит. Поговорим, пока Семеновны нет. При бабе какие серьезные разговоры? – Он снова внимательно посмотрел на меня.

Я промолчал. Он одобрительно кивнул.

– Она в аптеку пошла или еще там куда.

– Хорошо, Борис Андреевич, – кивнул я и посмотрел на часы. – Я...

– Занятой? – громыхнул он.

– Да нет. Ну, были планы, конечно. Но я готов. Почему нет? Так давно не виделись. Я...

– Вот и добре. Добре, – густо забасил он. – Добре. Добре. – Борис Андреевич улыбнулся, снова со свистом вздохнул, выпрямил спину, оперся на стол, поднялся. – А не виделись давно. Это правда. Лет пять или шесть уже прошло, как ты родителей отсюда увез. Больше ты и не появлялся. – Он медленно повернулся к холодильнику,

достал чуть початую бутылку «Гжелки», зацепил на шкафу две рюмки. – Вот, говорят, кухня маленькая – плохо. Чего плохо? Все под руками. – Борис Андреевич развернулся к столу, его снова чуть согнуло. Придерживая ногой открытую дверцу холодильника, он поставил бутылку и рюмки на стол. – Доску, вон лежит у раковины, и нож возьми. – Борис Андреевич снова повернулся к холодильнику. – Вилки еще там.

Я взял все необходимое, разложил на столе, накрытом старенькой клеенкой, разрисованной фруктами в разноцветных квадратиках. Осмотрелся – все как в детстве. Ничего не изменилось на этой кухне. Казалось, даже запах свежей сдобы никуда не делся. Может быть, только все стало меньше, стол выглядел крохотным. Удивительно, как за ним иногда умещалось по шесть человек? Тут вдвоем-то не сильно развернешься.

– Борис Андреевич, а ведь мы с вами ни разу не выпивали. – Я взял рюмку, покрутил. Толстое стекло, удобный граненый конус переходит в высокую толстую граненую ножку. – Удобная рюмка.

– Удобные. От матери еще. Старинные. Мать их «самосвальчиками» звала. Удобные. Сам с них выпивать учился. – Борис Андреевич прохрипел в кулак, задумался. – Хорошая была. Мамаша-то моя. – Голос Бориса Андреевича зазвучал мягко, медленно, тягуче. – Жалко, мало прожила, Андрюха ее и не помнит совсем. Царство ей небесное. – Борис Андреевич уложил на доску вареную колбасу и сало. Снова повернулся к холодильнику, достал блюдо с уже нарезанными солеными огурцами и чуть подсохшими дольками чеснока. – Да, царство ей, – прокряхтел он, нагнулся, дотянулся до стоящей у стола сумки. – Верующий или?.. Порежь, полбуханки нам хватит. – Борис Андреевич протянул мне кирпич дарницкого.

– Верю, Борис Андреевич. И в Бога, и в полбуханки, – попытался я пошутить.

– Сейчас все верят, – выдохнул Борис Андреевич. – Модно. Вот и мой... Дружок твой Андрюха тоже. Туда. В церкву. По-мо-гает. А где он, Бог-то ваш?

– Так вы сами только что про царство...

– Мамаша моя – особо дело. Она шибко верила. По-честному. Достанет украдкой иконку, поставит на тумбочку у кровати, крестится и шепчет что-то. Молится. С Богом пришла на свет, с ним и ушла. Добрая была. – Он почесал небритую щеку. Взял нож, начал нарезать сало. Медленно, методично. – Про царство-то

- это я от нее слышал. Она говорила. Всю жизнь на нас положила. Подняла шестерых. Одна. Святая, – протянул Борис Андреевич и сдвинул косматые почти белые брови. Потер большим пальцем крупный приплюснутый нос. – Где ей сейчас быть-то, если не в царстве этом? Уж кому другому? Так хотела. А мне уже он ни к чему. Бог-то ваш. У нас его уж с детства не было. Отменили. Без него жизнь прошла. – Он нарезал сало, колбасу, аккуратно протер нож бумажной салфеткой.
- Куда же делся Бог? Если у мамы вашей был. Значит, и сейчас есть.
 - Куда, куда. Ушел вместе с мамашей. Вот куда, – буркнул он. – В ней он только и был. Раз она говорила. Ну ладно. Хватит. – Он улыбнулся, радостно хлопнул толстыми ладонями, потер. Взял бутылку, открыл, аккуратно ровно разлил слегка дрожащей рукой. Сощурившись, осмотрел налитое, остался доволен. – Ну, Кирилка, катись, не затягивайся. – Борис Андреевич опрокинул рюмку. – Ничего, что я тебя, как в детстве? Ты ж теперь людей учишь. Лекции, читаешь. О! – Борис Андреевич погрозил пальцем. – Тебя, поди, все по имени-отчеству теперь. Как там у тебя это зовется? Фило... там... Как она?
 - Филология.
 - О! Наука. – Борис Андреевич многозначительно выпятил нижнюю губу.
 - Есть такое дело, дядя Боря. Только поменял я уже работу.
 - А что так?
 - Так зарплата, дядя Боря. Семью кормить надо.
 - И что сейчас?
 - Ремонтами промышляю. Квартиры, офисы, рестораны...
 - Понятно. Рукастый ты, значит, Кирилка? Молодец. Так могу я к тебе, как в детстве?
 - Вы называйте, как удобно, дядя Боря. Кирилка... Как в детстве. Правда.
 - Так вот, Кирилка, раз такое дело. Давай по второй, пока мать не пришла. – Борис Андреевич разлил. – Ты молодец. Лекции. Ремонт. Ого-го. Делом занят. А мой? Вот ты скажи, чем он занят? Откуда это все у него?
 - Работает Андрей, дядя Боря. Много работает.
 - Работает. – Борис Андреевич покачал головой. – Что же такое надо работать, чтоб так получать? Он что – профессор какой? Директор завода? Министр? Ты мне тут не темни. Мы с тобой почти родные. Я тебя помню, ты еще без
- порток бегал. Ты сам себя таким не помнишь. – Борис Андреевич взял рюмку, сжал в огромной ручище со знакомым сизым шрамом от сведенной татуировки, сурово взглянул. Казалось, он сейчас раздавит толстое стекло в порошок. – Ладно, не сердчай. Сын ведь он. А мне знать надо. Важно мне, понимаешь? Не хочется стыда на старости лет. Ну, ладно. – Борис Андреевич вдруг помягчел, даже улыбнулся. – Ну! Пусть будэ. – Борис Андреевич, кашлянул в кулак и выпил. Поставил рюмку, снова налил.
- Не частим, дядя Боря?
 - Не семафорь, Кирилка, по третьей махнем и бобика включим...
 - Чего?
 - Притормозим, значит, по-нашему... на железной дороге так говорят. Скоро инспекторша придет, прикроет нам лавку... – Борис Андреевич поднял рюмку. – Будем. – Он выпил, поставил рюмку, отодвинул. Навалился на стол, расплющил щеку толстой ладонью, вопросительно посмотрел на меня.
- Я выпил.
- Закусывай. Сало, колбаса. Хорошо ведь жили, Кирилка? А? По-людски. Чужих детей не было. Все свои. Помнишь? – Борис Андреевич слегка поплыл, опустил влажные глаза. – Помнишь, ты со школы придешь, ключи забудешь. Сразу к нам. И поешь, и уроки, пока родители не хватятся. Попадало потом?
 - Попадало.
 - И Андрюха у вас дома, если что. Вот, я и говорю. Чужих детей не было. Да. Чужих детей не было, Кирилка. Понимаешь? – Борис Андреевич покачал головой. – С Аликом вы все втроем тогда держались. С первого этажа. Рыбиным. Играл у нас. Отец у него шибко поддавал. Как его с работы не... А теперь видел Алика-то?
 - Мельком. Да мы и не общались давно. С четвертого класса еще...
 - Мельком. – Борис Андреевич покачал головой. – Да-а. Все у вас теперь мельком. Вышел Алик... Свои институты заканчивал. Насмотрелся я на него. Курил тут в подъезде. Вся спина синяя. В церква-ах, – протянул Борис Андреевич и развел ручищами. – Хорошим ведь парнем был. Маленьким-то. Обходительным. Мать такая душевная женщина. Очень образованная. Откуда у него? Андрюха мой говорит...
 - Андрей не такой. Его все уважают. Он...
 - Уважают. Алика вон тоже все уважали. Даже очень. И я, грешным делом, подумал, что Алик

большим человеком стал. Вся шпана местная перед ним лебезила. И торгаши эти, и исполкомовские даже. Уважаемый человек. Большо-ой. Говорили, по-ло-же-нец стал после тюрьги. В сильный рост пошел. Как это? Кто такой, положенец этот? А? Чего плечами жмешь? Да. Шибко уважаемый был. На дорогих машинах ездил. Как у Андрюхи моего.

- Чего вы все ровняете, дядь Борь?
- Ровняете. А чего мне не ровнять-то? Росли вместе. Друг ваш. – Борис Андреевич глянул на бутылку. – А где сейчас Алик тот? А?
- Слышал. Нет его.
- Зарезали вместе с девицей его. Прямо здесь у нас в доме, в родительской квартире. Девчонку-то эту за что? Слышал он. Ровняете...
- Я же вам сказал, дядя Боря. Алик еще в четвертом классе в другую школу перевелся. Мы после этого почти не общались. Это в другой жизни было. Потом он совсем потерялся. Изменился сильно или жизнь понял по-другому. У всех своя правда и дорога своя.
- По-другому. Правда своя. Правда всегда одна. – Борис Андреевич еще раз посмотрел на бутылку. Взял, открутил крышку. – Не такой. А откуда мне знать, чем он там машины свои отработывает? Чего мне ждать-то? – не слышал меня Борис Андреевич.
- Дядя Боря, я в его работе не сильно разбираюсь. Но он придумал и организовал большое дело. Большое, – начал горячиться я. – Сделал то, что до него никто не мог. Он додумался, организовал и сейчас хорошо зарабатывает. Все по закону. Что в этом плохого?
- По закону. Того-то. Этого. Как его, еврея этого, с которым он, Андрюха-то, работал? Все. Тю-тю. В тюрьму. Раньше с телевизора не соотрешь. А теперь все. – Борис Андреевич развел руками. – По закону. По-людски надо. А не...

В прихожей шелкнул замок, заскрипела входная дверь.

- Амба. Приехали. Все, попили пивка... – Борис Андреевич закрутил крышку и поставил бутылку под стол.

На кухню зашла Людмила Семеновна, Андрея мама.

Мне были искренне рады, но беседы больше не получалось. Я рассказал о своих родителях, об их жизни в новом доме в пригороде Москвы. О том, чем они заняты на пенсии, о саженцах и урожае. Пытались говорить о моей семье. О супруге и двух мальчуганах, о том, как быстро они растут.

Но Борис Андреевич ломал разговор и гнул в свою сторону. Он медленно и методично сыпал вопросы. Я что-то мычал. Людмила Семеновна нервничала. Становилось всем как-то неуютно, и я вскоре ушел. Мне было досадно и неловко за себя. Как-то нескладно, неубедительно говорил я о своем друге его отцу. И ничего не получилось. Где-то я, конечно, понимал, что Борису Андреевичу меня тяжело было услышать. Он разговаривал со мной, а вопросы задавал своему сыну. Андрею бы с ним поговорить. Но, видимо, нет времени или ниточка какая-то утеряна. Борис Андреевич хотел ее найти, эту ниточку. Может, надеялся на меня. Но я ему помочь не смог. Не смог.

Мы не виделись с Андреем больше года, но раза два в неделю созванивались. Дела его шли в гору без особых потрясений. В целом все его устраивало, но в голосе периодически слышна была не то чтобы тревога, какая-то неудовлетворенность. Что-то его тяготило. «Бросить бы все, забыть хотя бы на полгода, подумать, осмотреться», – говорил он. Но тут же находил тысячи причин, что это невозможно. Компания большая, много обязательств, оставить даже на неделю нельзя. Насколько я мог предположить с его слов, передряги с партнерами осужденного олигарха, а главное, внутреннее одиночество лежали мертвым тяжелым грузом. Поддавливали. Все это он снова начал топить в алкоголе. Меня этот его «кризис среднего возраста» тревожил, но, честно говоря, был не совсем понятен. Проблемы с партнерами? Да с кем угодно можно договориться. Уступить где-то... Андрей давно состоялся, деньги потеряли житейский смысл. Для него они были неким инструментарием для бизнеса. И все. Он мог себе позволить жить в свое удовольствие. В быту он стал совсем неприхотлив, потерял интерес и к дорогим автомобилям, и к роскошным ресторанам. Модные бренды одежды его никогда не интересовали, он носил дешевые китайские джинсы, футболки, потертый пиджак, похожий на френч. Только на встречи с чиновниками и важные переговоры надевал приличные деловые костюмы, которые по мере необходимости недорого шил в Гонконге. По моему разумению, он был абсолютно свободен и мог менять свою жизнь в зависимости от своих желаний и потребностей. Но это я так думал. А как оно было на самом деле? Я ведь жил совсем другой жизнью, в которой пока, как мне казалось, все было более-менее уложено по своим определенным полочкам. В его пробле-

мах с женщинами я тем более не мог разобраться. Большая тема. Андрей в поиске. Он женился раньше всех из нас. Жили недолго с эпохальными скандалами и обидами. По-другому он не умел. Дальнейшие истории складывались скоротечно и по схожему сценарию. В безоблачной безграничной доброте и в сумрачном громогласном расстройстве он был искренен и неуправляем. Дамы не выдерживали. Такими порывами сдувало тех немногих, кого он встречал, живя за тысячи километров от родины. Все его друзья уже давно имели детей, а он не мог разобраться с собой и своими воззрениями на семейную жизнь. Это начало перерастать в фобию неспособности на длительные серьезные отношения. Он пытался предугадать каждое желание, украшал металлом и камнями, нежно укутывал в меха, увозил на далекие волшебные острова с белоснежным песком, обязательными пальмами и бесконечным изумрудным океаном. Потом пытался аккуратно рисовать красные линии и расставлять небольшие столбики с разноцветными фонариками и цветами. Аккуратно получалось не всегда. Да, в общем, никогда не получалось, и цветочные столбики превращались в пограничные столбы. Он срывался, и над волшебными островами проносился сметающий все отношения ураган. Он об этом жалел, злился на себя, снова бушевал и наконец стихал, обессилив. Пытался извиниться. Читал стихи, но открыть новую страницу романа никто из его избранных не решался.

Звонил он мне практически всегда сам, когда у него уже была глубокая ночь, и почти всегда после бутылки виски. Мог час рассказывать о своих размышлениях на тему смысла жизни, периодически просил моих советов, но просил так, для формы, чтобы поспорить и выговориться. Я его слушал, не перебивая, и думал о том, как странно устроен человек. Что ему нужно и чего не хватает? Бежит человек по жизни, бежит не бесцельно, с идеей. Старается. Добегает до цели и вроде должен радоваться... У меня так бывало, например, когда я вернулся домой из армии. Так долго ждал этого дня, представлял, как переступлю порог нашей маленькой квартирке, обниму маму, отца. А прошел этот день, и наступила странная пустота. Андрей всегда мечтал заниматься чем-то своим, большим и значимым. И у него получилось. Он добегал, победил. И вот теперь заливает свою победу по вечерам, звонит мне, грузит рассказами о проблемах с будущими контрактами. Легко и походя рассуждает об огромных цифрах этих

контрактов. И в то же время говорит, что уперся в стену. Везде. Все есть, и ничего не радует...

Однажды, в канун его дня рождения, мы оказались в одном из областных центров Сибири. Оказались практически случайно. Я приехал в командировку, а он с партнерами, как он говорил, находился там на переговорах. Договорились встретиться в местном ресторане «Тайга», отметить очередной день, в который он родился. Я опоздал на час. Когда я пришел, он уже был навеселе. Сидел за столом один, в снятых с бревенчатой стены заведения реквизитных валенок. Багровое лицо, расстегнутая до густо заросшей груди белая рубашка, висящий на шее развязанный пестрый шелковый галстук, под ним на тонкой белой блестящей цепочке золотой крестик. Он что-то тихо мычал, качая уже поседевшей бородой, дергая расстроенные струны такой же снятой со стены реквизитной балалайки. Андрей буднично воспринял мое появление.

– Садись. – Он положил балалайку на свободное кресло, махнул рукой.

Большой круглый стол был прост: графин водки, две рюмки, мясная тарелка, тарелка солений, бутерброды с салом и старое потертое портмоне. Он молча налил, поднял рюмку, кивнул на мою наполненную рюмку и выпил. Закусил кусочком бородинского с салом. Снова налил себе.

– Кирих, ты это. Катись быстрее. Не затягивайся, как отец у меня говорит. Давай.

Я выпил, поставил пустую рюмку. Он быстро плеснул.

– Ну, добрый вечер, Кирилл. Как говорится – рад видеть. – Он лихо забросил в себя содержимое рюмки. Сморщился, занюхал кулаком, глазами выбирая закуску.

Я поздравил его, произнес какие-то банальные вещи. Он сидел, молчал. Делал вид, что слушал, периодически кивал головой. Я выговорился и тоже замолчал. Повисла неловкая совсем не праздничная тишина.

Он снова налил. Поднял рюмку, кивнул и выпил.

– Ты чего один здесь?

– Не хочется видеть никого. – Он быстро посмотрел на меня. – К тебе не относится. – Взял маленький бутерброд с салом. Обильно посыпал черным перцем, положил в рот. – Не работай с друзьями, Кириха. А точнее, не заводи их на работе. Хотя, – он на секунду замер, жуя бутерброд, – и то и другое. Знаешь, как-то все вокруг не так? Понимаешь? Как-то все валится.

- Такое ощущение поганое. – Он поморщился, как будто откусил недозревшее кислое яблоко. – Все внутри чешется, душу скребет. Зудит. Хочется расчесать, разодрать все в кровь. У тебя так бывает?
- Да нет.
 - Завидую. Белой... Ты наливай. Не тормози.
 - Ты?
 - Я в норме. Не мохай.
 - Что стряслось? Чего-то не поделили?
 - Почему же? Как раз поделили. Поделили и сделали предложение. Мне.
 - Угрожают?
 - Ты чего, Кирюха? Какие угрозы в высоком собрании? – Он надул губы, сощурился. – Хуже. Жалеют, – ухмыльнулся он. – Наливай. Я налил. Ударилась рюмками, выпили.
 - Спасибо, Кирюха.
 - За что?
 - Что рядом... что можно опереться, когда надо. Знаешь...
 - Знаю. Чего не знаю, потом расскажешь.
 - Да я признаться хочу.
 - Подожди, у меня подарок для тебя. Потом расскажешь все. Парень ты богатый. Все у тебя есть. Деньги тоже. Нечем мне тебя удивить. Но я сильно постарался, и, думаю, у меня получится.
 - Железную дорогу игрушечную? – усмехнулся он.
 - Вырос ты из детской железной дороги. Я...
 - А что, я был бы рад. Настоящей большой железной дороге. Огромной, с поездами, станцией, депо. Женщиной-эхом, которая про маневровые рассказывает. Все детство мечтал. Надо будет купить домой. Может, еще с сыном повезет...
 - Обязательно повезет!
 - Вот за это и...
 - Подожди. Возьми, это тебе. – Я достал из пакета и положил на стол крафтовый конверт формата А5. – Это, конечно, не железная дорога. Андрей с удивлением и любопытством смотрел на конверт. Потом молча налил.
 - Большой какой. Конверт. Добрый вечер, Кирюха. – Он выпил, взял конверт. Открыл, достал пожелтевшую сложенную пополам газету. Аккуратно развернул, довольно надул губы, встопоршив бороду и усы.
 - Ты на отца очень похож.
 - А на кого я должен... – Он перебил сам себя – Спасибо, брат. Как давно это было, – потряс он газетой. – Ха! А я тебя тогда сделал.
 - Ты многих сделал, Андрюха. Ты большой молодец.
- Это ты молодец. Как-то все у тебя по полочкам...
 - Не смей. Мне за жизнь с собой не договориться.
 - Не наговаривай. Наливай. Давай все-таки за тебя. Да. – Он внимательно посмотрел на меня. – Знаешь, а ведь я тогда на кладбище не ходил.
 - Какое кладбище?
 - Подошел к этому погостному лесочку, зашел – там такая темень внутри... Только увидел ближние к дороге кресты... Жуть. Тени кривые от этих крестов, как лапы тянутся... Шапка снега с сосны грохнулась, я деру. – Он опустил глаза. – Еловыми ветками вся дорога, бумажные цветы под ногами хрустят. А ты молодец, по-честному... дождался. – Он выпил.
 - А куда я пойду? Мы же вместе со школы к тебе должны были. День рождения у тебя был. Родители ждали. Помнишь? Как я?
 - Как все, взял да пошел. Хрен знает, когда бы я пришел. До утра бы ждал? Ты пей. Не спорь. Замерз тогда. Я помню. Пей. Я выпил.
 - А за газету спасибо! Дорогой подарок, правда. Удивил. Толстяк, конечно, я там. Смешной. Отец твой, помню, тебе все наговаривал. Типа, никогда не оглядывайся в гонке. Зачем оглянулся? По-доброму так.
 - Он меня и перед гонкой так настраивал.
 - В гонке. – Он оперся локтями на стол, положил голову на ладонь. – Жизнь ведь тоже гонка. Я вот и несся, не оглядываясь. И, может, многих, как ты говоришь, и сделал. Но вот туда ли уехал? Может, мимо чего-то важного проехал? А ты продолжаешь оглядываться? – спросил он и улыбнулся.
 - Наверное. Теперь за тобой не угнаться.
 - Это как посмотреть? Это кто куда едет.
 - И какой из меня гонщик? Так, иду себе... Путник я, Андрюха. Путник. Иду оглядываюсь.
 - М-да. Путник. Хорошо сказал. Может, и не факт, что жизнь для всех гонка. Да и нужна ли она? Гонка эта. М-да. Может, ты прав. Может, и не к чему это все. Это как посмотреть. – Он бросил фразы, качал головой, потом замолчал, прищурился, как будто что-то вспоминал. – Это как посмотреть. О! Кстати. Насчет посмотреть. – Он открыл портмоне. Достал фотографию. Положил передо мной. Подозвал официанта, заказал водки и начал обсуждать горячее.
- Я сидел, разглядывал фотографию. Крупная розовощекая девушка с пышными формами, правильными кукольными чертами лица. Со светлыми,

почти соломенными волосами. Или просто на фотографии так? Локоны упали на смеющиеся сощуренные глаза.

– Как тебе? – Он лукаво улыбнулся.

Видно, что его уже поддало алкоголем. Он расслабился, сидел, пошатывался. Говорил медленно, как будто получал отдельное удовольствие от каждого сказанного слова.

– Селянка прям.

– Селя-янка. Точно. Настоящая. Наша красота, – прогудел он, сделав ударение на слове «наша». – Ре-едкая. И имя – Наташа. Такое, э, уютное. Правильное. Приехала к нам в Пекин. С ансамблем народного танца. Из Белоруссии откуда-то. Не Минск. Не, Минск тоже вполне себе город. Не в этом смысле. Ну, в общем, танцевала, танцевала. Э-э. Неделю. Танцевала. Так у меня и осталась. Вот. – Он как-то даже засмутился.

– Это судьба, брат. Ха! Она еще и танцует? Так это радость сплошная. Праздник. За нее надо выпить. Наливай.

– Вот, я и говорю. Не туда. – Он грустно цыкнул. – Не совсем туда я ехал.

Выпили. Без закуски. Он сидел, тихо говорил о вдруг появившейся в его жизни девушке, о том, как ему с ней удобно и комфортно. Этот огромный полупылый человек с косматой седой бородой, с залитыми алкоголем голубыми глазами рассказывал мне, как первое время его «ураганило до темноты в глазах», и по-честному смутился. Говорил, что никому пока ничего о ней не рассказывал. Боялся сглазить, столько уже рассыпалось...

Он до утра поил меня водкой, периодически бурчал какие-то одному ему известные мотивы. После ресторана пытался утащить меня на железную дорогу: посмотреть на поезда и семафоры, послушать женщину-эхо. Мы сильно поднабрались и не очень уверенно стояли на ногах. С походом на железную дорогу решили отложить. Через день он уже звонил мне из Вены.

Удивительно, но он старался меняться. Чаше звонил, иногда был хмур и напряжен, но чаще спокоен и даже весел. Пил меньше. Случались, конечно, недельные заплывы, но гораздо реже. А в один вечер он позвонил мне слегка навеселе, сказал, что имел серьезный разговор и решил совсем завязать с алкоголем. Если не навсегда, то по крайней мере надолго. Намекнул, что есть весомый стимул. Дома у него «все устоялось». Девушка его выдерживала любые непогоды, гнулась, но не ломалась, а когда силы урагана иссякали,

вновь выпрямлялась во всю свою высоту и стать. Она поняла его одичавшую от одиночества натуру, укротила, насколько это было возможно, а периодическое буйство воспринимала как неизбежные недостатки мироустройства. Любую бурю можно переждать. Было бы терпение. Терпения ей хватало, и через полгода они тихо отпраздновали свадьбу на острове в традициях и по ритуалу аборигенов. Он никого не приглашал. Даже для невесты это стало неожиданным сюрпризом. Принимая поздравления, говорил, что отметит событие вместе со всеми позже. И не только его. С размахом отметит. Даже размышлял о венчании в храме. «Надо подождать», – говорил он. Оно того стоит.

Еще через месяц все стали догадываться, и он сознался, что ждет исполнения своей главной мечты – рождения сына. В долгожданный день он отвез супругу в роддом, отключил телефон и больше суток не выходил из больницы. Все случилось около восьми часов вечера. За три дня до дня, в который родился он сам. В пекинской больнице родился крупный крепкий русский мальчик. Четыре с половиной килограмма. После того как все случилось, он все равно не хотел никуда уходить, и персонал больницы с большим трудом уговорил его вернуться домой. Он вышел из больницы, звонил всем. В Москве было раннее утро. Или поздняя ночь. Я спал, и до меня он не дозвонился. Утром я узнал обо всем уже от друзей. Мы пообщались и решили дожидаться прилета Александра из Екатеринбурга и через два дня вечерним рейсом вместе с Олегом без всякого приглашения от Андрея лететь в Пекин. Роман напрямую в это же время вылетит из Вены. Летим мужской компанией, без всяких церемоний, приготовлений и сложных семейных сборов.

Были выходные, я купил билеты на условленный рейс и уехал с семьей на день подальше от городской суеты. Туда, где есть только природа, а из связи – блестящий, черный телефонный аппарат из далекого советского прошлого, работающий через раз и только на исходящие звонки. Несколько лет назад мы купили небольшой домик на окраине окруженной сосновым лесом почти заброшенной деревушки, аккуратно вырезанной бездорожьем из современной жизни. Сюда мы с супругой убежали из города при первой возможности со своими мальчишками трех и пяти лет и пегим лабрадором. По дороге, пока была связь, я пытался дозвониться до Андрея, но он не отвечал.

Через день мы уже возвращались домой. Завтра вечером самолет в Пекин. Лечу сразу на два дня рождения. Даже какое-то волнение внутри, как перед большим давно запланированным праздником. Когда по дороге появилась связь – посыпались, зазвенели в телефоне полученные и непрочитанные сообщения. Я начал читать. Дорога расплывалась. Я съехал на обочину. Остановил машину, машинально выключил музыку, извинился перед супругой, сказал, что мне нужно сделать срочный звонок, и вышел из автомобиля.

Мир стал плоским и пустым. Шел снег, я жадно глотал морозный декабрьский воздух, пытаюсь сдержать то, что поднималось изнутри и могло выйти криком и слезами. Я боялся напугать детей и супругу. Стоял, смотрел вверх на холодное, бледно-голубое небо, ловил ртом снежинки, вытирал руками текущие по щекам слезы. Как он тогда говорил? «Все в душе чешется, скребет. Зудит. Хочется расчесать, разодрать все до крови...» Я снова читал сообщения. Очень старался сдержаться. Слезы удержать не мог. Все вокруг растекалось акварелью на мокрой бумаге.

Что произошло в Пекине вечером или ночью, никто толком не знал. После роддома Андрей приехал домой и выпил. Его водитель сказал, что начал еще в машине по дороге домой. На следующий день утром домработница нашла его лежащим на полу в ванной комнате в луже крови.

Когда я возвращался домой, мои друзья уже ехали в аэропорт. Просили не дергаться, ждать их возвращения и присмотреть за мамой Андрея. Они улетели. Трое моих друзей и Борис Андреевич, его отец. Обрывками я получал информацию. Сам старался лишней раз не досажать звонками. Я знал, что, как будет возможность и хоть какая-то определенность, мне все расскажут. А пока я знал только то, что до конца ничего не ясно. Азиатские полицейские особо не разбирались и не обнаружили ничего похожего на преступление. Большая доза алкоголя в крови. В конце второго дня мне позвонили, сообщили, что через день вылетают. Причиной смерти признали отравление, а потом insult или что-то в этом роде. На левом виске гематома, но местные полицейские ничего криминального не видят. Объяснили просто – гематома от падения. Потерял сознание и упал. Для полной картины нужно вскрытие. Но если делать, тело умершего отдадут примерно через месяц. Родители ждать

не согласились. После получения всех необходимых бумаг тело Андрея привезли на родину и похоронили в ближнем Подмоскowie. Супруга с его сыном вернулась в Белоруссию. Прошло время, и в азиатскую даль дошел нефтепровод, заменив железную дорогу с цистернами и сменными колесными парами. Директор компании Андрея неожиданно разбогател, но разорился в кризис и попал в закрытую психиатрическую клинику. Страна живет дальше, прокладывая новые дороги, заново учась быть всемогущей державой, самостоятельно вовремя семафорить и переводить стрелки.

Снег усилился и повис белой пушистой пеленой. Его мама говорила, что невыносимо тяжело хоронить своих детей, что жизнь становится нелепой и теряет смысл. Что сильно сдал Борис Андреевич. И у нее уже сил немного. Что редко звонит бывшая супруга Андрея, а ездить к ней и внуку тяжело и не всегда удобно. Другая страна. Да и семья уже почти чужая. Рассказывала, что внук – точная копия Андрея. Несколько дней назад ему исполнилось два года. Она с ним говорила по телефону. Уже большой и серьезный, так же хмурится и надувает губы. Смотреть на него и трепетно, и больно.

Снег не утихал, размывая грустный кладбищенский пейзаж. Я вспомнил далекий зимний вечер. Я стоял, опершись на ограждение моста. Чувство, что я совершил что-то нехорошее, неправильное, не покидало меня. Я опять испугался, но теперь испугался потерять часть своего уютного маленького мира. Очень дорогую мне часть. Я остался. Холодный ветер со свистом продувал мост. Было холодно. Стыли пальцы. Я терпел. Уйти было нельзя.

Он вернулся. Мы молчали, смотрели, как под нами в густой снежной пелене постукивали, ползли размытые снегом и темнотой толстые серые силуэты товарных составов. Вздрагивали, лязгали металлическими телами. Они бесконечны. Где-то далеко гулким эхом резал стылый воздух пронзительный женский голос, что-то сообщал о маневровом.

– Слышь, Кириух. – Андрей внимательно посмотрел на меня. – Там ничего интересного. На кладбище, – хлопнул он меня по плечу, сбросив нападавший снег. – Много бумажных цветов, – проговорил он, с удивлением выделяя слово «бумажных». – Бумажных цветов и еловых веток. Хрустят под ногами. Ничего такого. А ты

молодец. – Он смотрел, как я, съездившись, переминался, пытаюсь размять окоченевшие пальцы.

- Ч-чего? – не понял я.
- Холодно, говорю. Я бы, может, и ушел.
- Я х-хотел. Н-не см-мог, – боролся я с дрожью.
- Надежный ты. – Он снова внимательно посмотрел на меня, будто увидел что-то новое. – Давай домой. Согреемся! – Он толкнул меня и побежал. У ступеней моста он вдруг притормозил. – Давай уедем. Вместе, – предложил он, глядя на далекий мигающий в снежном тумане семафор. – Ты знаешь, я обязательно уеду. Я решил. Сяду на поезд и уеду.
- К-куда? – бросил я, дрожа и прыгая по ступеням.
- А куда они все? И откуда? – тяжело дыша, указал он на толкающиеся под мостом составы. – Я бы прямо сейчас уехал, маму расстраивать неохота. Да и отец не поймет. Жалко их. Ладно, я еще успею. Догоняй! Я все успею. Катись, Кирюх, не затягивайся...

Она сняла варежку, протерла от снега портрет сына.

- Странно, Кирюша, я каждый год так ждала этот день. Самый счастливый день в моей жизни. Много их было. Этих дней. С ним и без него. Не могу привыкнуть. Кажется, что он до сих пор там, в Китае своем. Два года уже его нет. Как это? Его нет. Как теперь в этот день? – Она посмотрела на меня, улыбнулась. – Помнишь, Кирюша, как гонялись вы на велосипедах? Потом дулись друг на друга. Смешные...
- Помню. Помню, Людмила Семеновна. Накручивал он тогда, старался, спешил.
- Он всегда старался. И спешил. – Она всматривалась в мое лицо, будто что-то хотела найти. Положила холодную ладонь мне на руку. – Кирюша, не пропадите, пожалуйста. Вы все. Пожалуйста, – тихо проговорила она и тепло улыбнулась. – Приезжайте.
- Конечно. Мы... конечно... – Я запнулся, понимал, что нужно сказать что-то простое и важное...

Мрамор снова темнеет от падающего снега. Тихину взрывают два встречных состава. Облепленные черным снегом цистерны проносятся вдоль кладбища по высокой насыпи, как по сцене, разрывая густой снежный занавес, забирая мои слова.